

Птица в виноградных листьях.

Действующие лица:

Инга – 27 лет, красивая, не замужем, высшее образование, преподает в вузе географическую лингвистику.

Старик – бомж, 72 года, высшее образование, конструировал детали для подводных лодок, исчез из дома по непонятным причинам 10 лет назад, фантазер.

Голос из телефона – жесткий женский голос, ничему не удивляющийся.

Фельдшер 1 – пол и возраст не определяется.

Фельдшер с зонтом – уставший мужчина 26 лет, мечтающий спасти весь мир.

Паша (Кашин) - 41 год, сильно- сильно лопухий, хирург, давно ни о чем не мечтает.

Телихов (Юрий Григорьевич), - 39 лет, хирург, врач высшей категории, кандидат наук, всем верит и все разрешает, любит чай.

Действие 1.

Вечер. Обычная улица. Вход в метро. Маленький фонтан. Возле фонтана лежит непонятно что, похожее на человека. Все идет мимо. Инга сначала тоже идет мимо, но потом возвращается и наклоняется над этим предметом, зажимает нос, потом надевает хорошие кожаные перчатки и дотрагивается до него.

Инга. Эй! Вам плохо?

Предмет. *(стонет и поворачивается к ней)* А ты кто?

Инга. Я иду домой, *(как бы про себя)* Урод.

Предмет. Нет, ты идешь совсем в другую сторону. Домой тебе сегодня не попасть.

Инга. *(не скрывая отвращения)* Почему?

Предмет. Потому что ты не такая, чтобы легко попадать домой.

Инга. У вас болит что-то? Я вызову скорую помощь.

Предмет. Вызови, к тебе приедут. У меня нога болит.

(Инга отходит в сторону, разжимает нос и звонит по мобильному телефону в службу скорой помощи.)

Голос из телефона. Это мужчина?

Инга. Да.

Голос из телефона. Сколько ему лет?

Инга. Не знаю. От него воняет иван-чаем. Грязный и страшный. Совсем некрасивый и вонючий. Стонет.

Голос из телефона. Посмотрите есть ли раны. Он на что-то жалуется?

Инга. *(предмету)* Сколько вам лет? Что у вас болит?

Предмет. Нога болит. Лет мне много больше 70 давно уже было. Лет 6-8 назад, наверное, я забыл.

Инга. *(в телефон)* Примерно семьдесят шесть лет. Боль в ноге.

Голос из телефона. Вы кто?

Инга. Никто. Я прохожая.

Голос из телефона. Ждите, машина подъедет.

Предмет. Я – Старик. Называй меня Старик. Рана ... вот здесь.

(Инга прячет телефон и наклоняется, преодолевая приступ тошноты. Тянет за брючину и кричит. Вокруг все идут мимо. Инга и Старик никому не видны.)

Старик. Это ничего, просто кровь и кости.

Инга. *(описывает свои действия и делает одновременно)* Я сняла ремень со своих брюк Аааа..... и затянула выше колена.... *(взвизгивает)* мама!... должно помочь до скорой. Может не умрете.

(Слышны звуки сирены)

Старик. Хороший ремень.

Инга. Да, теперь пропал.

Старик. Приехали, видала. К тебе всегда приезжают.

Инга. Это к вам. Мне не нужно.

(Появляются два фельдшера, один несет оранжевый медчемоданчик, второй, в сиреновом пальто серый зонтик. Инга отходит от Старика и очень тихо объясняет фельдшерам что-то. Они ворчат. Особенно толстый фельдшер, второй фельдшер молчит и раскрывает зонт, хотя дождя нет.)

Фельдшер 1. Как мне надоели бомжи бесхозные! Закрой зонт, придурок!

(Фельдшер с зонтом не обращает внимания на крик коллеги и зонт увеличивается, раскрываясь над всеми все больше и больше.)

Инга. Он не бесхозный. Это мой бомж.

Фельдшер 1. Ну, так и садитесь в машину.

Инга. И сяду. Вы бы его хоть осмотрели.

Фельдшер 1. Была охота перчатки портить и так все понятно. Гангрена, полное разложение личности.

(Фельдшер 1 машет руками, появляется шофер с носилками, зонт светится ярким голубым светом, потом превращается в огромную хирургическую лампу и все исчезает)

Действие 2.

1.

(Белое больничное пространство: 4 кровати, 4 тумбочки, 4 стула, раковина. Сквозь окно светит огромный фонарь, освещающая всю палату. Небольшой обеденный стол, обклеенный клеенкой, на столе электрический чайник с номером. На кровати-каталке лежит Старик. Он накрыт простыней, но понятно, что он голый, на простыне небольшое красное пятно. Инга нюхает Старика и морщится. Фельдшер 1 и Фельдшер с зонтом толкаются.)

Старик. Меня привезли куда всех бомжей свозят.

Фельдшер 1. А куда еще?

Фельдшер с зонтом. Здесь хорошая больница, просто рай.

Фельдшер 1. *(язвительно)* Рай – жопу подтирай. Как писали в одной газетке: "долго жить невыгодно", а то попадешь еще живым вот в такой раек, где дают гречку и чаек, а на райском чайнике номерок нарисован. Чашка железная, луна не настоящая. Подушка жесткая, из окна дует. И у местных ангелов работа не пыльная, зато стабильная.

Фельдшер с зонтом (Инге) Его помыли перед ... раем осмотром. Врачи грязных не смотрят.

Инга. Ясно, может, перестанет вонять Иван-чаем. Ненавижу этот запах.

Фельдшер с зонтом. А я ненавижу запах испорченных яблок.

Инга. А я подгоревшего пирога.

Фельдшер с зонтом. А я протухшего вишневого сока.

Инга. А я разогревающейся батарее.

Фельдшер с зонтом. А я гелевых чернил.

Инга. А я газет, даже свежих.

Фельдшер с зонтом. А я...

Фельдшер 1. Хватит! Дураки! Надоели все! Вот райский доктор пришел. Пошли отсюда!

Инга. Я останусь.

Фельдшер 1. Дура, ненавижу таких.

(Фельдшер Ихватает за руку Фельдшера с зонтом и тащит его от Инги. К ней подходит больничный доктор в синих брюках и сползшем на одно ухо синем колпачке.)

Паша. Вы с ним?

Инга. С ним.

Паша. Я – Паша. Вы ему кто?

Инга. Никто.

Паша. Понятно.

Старик. Она, доктор, совершенно необыкновенное существо. Вы посмотрите, какие у нее ручки.

Паша. *(насмешливо)* Покажите,

Инга. Смотрите.

Паша. Отличные ручки.

Инга. Пятно растет.

Старик. Деточка, ты сними перчатки и не смотри на простыню

Паша. Поздно, пока прооперируем, будет ночь. Идите домой.

Инга. Нет, останусь с ним.

Паша. Ночью даже родственники не остаются, не положено.

Инга. Нельзя быть злым на ночь, я останусь, я буду очень тихо сидеть. Я за ним присмотрю, а вы поспите.

Паша. Ага, как же. Я сегодня посплю, ночь с бомжа началась, теперь покатиться. Развлечете меня, тогда останетесь.

Инга. Хорошо, как хотите.

(Появляется Фельдшер с зонтом, раскрывает его и появляются люди в нелепых халатах, в трусах нелепого пола на костылях и каталках. Фельдшер с зонтом тяжело вздыхает и закрывает зонт. Полная темнота)

2.

(Полная темнота. Слышны шаги и голоса, скрип каталки, стоны, позвякивание стаканов.)

Телихов. Кого привез, Паша?

Паша. Девку привез нам на ночь и бомжа на ампутацию.

Телихов. Офигел? Что за девка?

Старик. Она – необыкновенная. Не уходи от меня.

Инга. Не уйду. Тут страшно. Дышать нечем даже.

Телихов. Вы, пожалуйста, вернитесь вниз, сдайте пальто, скажите, что Юрий Григорьевич Телихов разрешил вам остаться. Сдадите вещи, сядете вот здесь, и будете ждать.

Инга. А Старик?

Телихов. Забираем наверх в операционную. Вымойте руки и ждите.

3.

(Та же палата. Старик лежит на кровати-каталке у окна, Инга сидит рядом на стуле. У нее за спиной тумбочка, на которой стоит железная кружка.)

Старик. *(улыбаясь)* Как мне хорошо, деточка! Мне, наконец, не больно, посидишь со мной? Знаешь как мне больно было... так умереть хотелось, чтобы не чувствовать ничего, а сейчас хорошо, ничего не чувствую. Так славно.

Инга. Это наркоз еще не отошел. Посижу, если разрешат или потом подойду после, развлеку Пашу.

Старик. Не-не, ты не слушай его, это он со злости, устал за день.

Инга. Думаете?

Паша. *(стремительно входит в палату, но Инга его сразу не замечает)* Иди сюда, красивые ручки. Посмотрим их поближе. Заодно узнаем, что ты умеешь ими делать.

Старик. Нет, не уходи, я без тебя не могу, страшно очень.

Паша. Будешь орать, мы тебе снотворного дадим. Опасности для жизни нет.

Инга. Так нельзя! Понимаете, это плохо. Для вас тоже.

Паша. Для меня чем плохо?

Инга. Вдруг я ... необыкновенное существо? А?

Голос Телихова. *(из коридора)* Кашин! – иди сюда, нам нового привезли.

Паша. Так я и знал. Ну, все, давай, сиди, часа через два нового тебе подкинем. Ручками своими воды ему не давай, пока нельзя. Температуру меряй раз в час. Градусник в тумбочке. У него на ноге... ну... лед. Нагреется, сходи на пост, поменяй. *(Убегает из палаты)*

Старик. Смотри, деточка, как у тебя ручки светятся при луне. Покажи.

(Инга вытягивает свои руки прямо к окну, луна-фонарь подсвечивает белую кожу. Руки становятся прозрачными.)

Старик. Знаешь сколько в мире таких как ты?

Инга. Миллион.

Старик. Одна, одна на целый мир. Самая необыкновенная.

Инга. Почему? Я – обыкновенная.

Старик. Нет, не говори так. Если ты разденешься, то будешь вся такая, как твои ручки. Разденешься?

Инга. *(подумав и любуясь на руки)* Ладно. Только если этот войдет ...

Старик. Не войдет, этот не войдет, никто больше не войдет. Их нет.

Инга. Хорошо.

(Инга быстро раздевается, бросает вещи на стул и залезает на тумбочку, с тумбочки падает железная кружка.)

Инга. Подумать только, я ведь – преподаватель. Мало того, что я теперь ночью в больнице с незнакомым мне некрасивым стариком, провонявшим иван-чаем, и оставшимся без ноги, стою на тумбочке. Я - абсолютно голая смотрю на фонарную луну. А он, на меня не смотрит. Он закрыл глаза и стонет, вдыхая и выдыхая больничный воздух. Что это?

(В окно стучит Фельдшер с зонтом и любуется Ингой. Он хочет ей что-то сказать, но исчезает. В палату очень тихо со свертками, пакетами и странным шарфом из белого халата, входит Телихов и от неожиданности замирает, он видит на тумбочке белую птицу, похожую на цаплю.)

Телихов. Вы бы надели халат, то мне кажется, что вы просто птичка.

Инга. *(медленно оборачиваясь, несколько недовольно)* Ладно. А где халат взять?

Телихов. Я принес.

(Телихов снимает с шей халат и отдает его Инге, потом отодвигает стул и ставит на стол пакеты, свертки и включает электрический чайник.)

Инга. *(надевая халат)* Юрий Григорьевич Телихов, вы всегда все разрешаете?

Телихов. *(снимает Ингу с тумбочку и ставит на пол)* Еще чего! Давайте, чай поьем, пока он спит.

Инга. Спит? Он стонет.

Телихов. Конечно, стонет. И спит. Он слишком устал, чтобы не спать, да и лекарства ... Он умрет сегодня.

Инга. Почему?

Телихов. Потому что. Нogu можно было и не трогать, не ампутировать, но так ему будет менее больно, не будет разрывающей боли. Одежду свою соберите, белье можно постирать, потом покажу где. Можно просто Юра.

Инга. Не надо стирок. Я открою окно, Юра? Воняет.

Телихов. Откройте, ему даже легче будет в холоде.

(Инга открывает окно, собирает свою одежду с пола, аккуратно складывает ее на стул, пока Телихов включает чайник и вытаскивает из пакета на стол разные коробочки из пенопласта. Потом наклоняется и смотрит на Старика. Старик улыбается. В окно влезает Фельдшер с зонтом и садится на подоконник, поднимает руку, задирает рукав сиреневого пальто, надетого поверх фельдшерской одежды и постукивает по наручным часам. Инга кивает ему и садится за стол рядом с Телиховым.)

Инга. А тот где?

Телихов. Да ну его на хрен. Вечно черт знает что. И ведь – хороший вообще.

(Телихов машет руками, показывая какой «вообще хороший» его коллега.)

Но как накатит говно, не выветришь.

Инга. *(смеясь)* Он бы меня изнасиловал для развлечения? Скучно ему тут? В раю?

Телихов. *(перестав махать руками)* Не знаю, люди порой непредсказуемы.

Инга. Да...?

Телихов. Вы что голая на тумбочке делали?

Инга. Стояла.

Телихов. Чай?

Инга. Кофе.

Телихов. *(передразнивая)* Кофе... кофе нужно пить в Вене.

Инга. Поехали?

Телихов. Поехали. Босиком вы?

Инга. Да.

Телихов. Чай, кефир, есть вареная рыба.

Инга. Фууу.

Телихов. *(покопавшись в одной из коробочек)* Вот кусок шоколадки.

Инга. *(принимая кусок шоколадки)* А вы давно врач?

Телихов. Давно, почти с детства. А вы кто?

Инга. Я преподаю в вузе географическую лингвистику.

Телихов. Круто. Любите на тумбочках стоять?

Инга. "При изучении языков нас прежде всего поражает их многообразие, те языковые различия, которые обнаруживаются между разными странами и даже между частями одной страны..." Соссюр де Фердинанд.

Телихов. Ничего не происходит без причины. Если что-то произошло, то можно быть уверенными, что для этого была причина.

Инга. Гиппократ. Старик говорит, что я необыкновенная ...

Телихов. Верите? Бомжы странные вещи говорят. У него - бред.

Инга. Мне кажется он – не бож. Он просто никому не нужен. А это трудно вынести, тем, кто привык быть нужным.

Телихов. Хотеть быть нужным – не правильно. А вы еще и босиком?

Инга. Возможно. Я сяду к нему поближе, вдруг он проснется, а меня нет. Он испугается.

Телихов. *(покопавшись в одной из коробочек достает ослепительно белые носки)* Хорошо, носки мои наденьте. Мне все равно пора.

Инга. Спасибо.

(Инга надевает носки. Телихов смотрит в окно на фонарь-луну и пропадает в его свете.)

4.

(Та же палата. Инга снова сидит на стуле у кровати Старика. Окно открыто. На подоконнике лежит зонт Фельдшера с зонтом.)

Старик. Ух ты! Ты превратилась из прозрачной в беленькую.

Инга. Да.

Старик. Послушай меня. Я когда-то любил девочку. Такую прозрачную, как ты, но между вами теперь я вижу принципиальная разница. Ты – необыкновенная. А она была совсем простая. Просто не загорала, а была такая прозрачная с просвечивающимися венами повсюду. Даже на сосках. У тебя нет на сосках вен?

Инга. *(задумавшись)* Нет.

Старик. Вот я и говорю. Ты – необыкновенная. А у нее были. И когда она плясала передо мной совершенно голая, я видел, как она вся перетянута этими синеватыми ленточками. Она толстая была, килограмм сто. Совсем на тебя не похожа, жопа жирная, ляжки, приятно очень было на нее ложиться. Над тобой нужно парить, а она была как матрас пуховый, шмяк – и в тепле. Но дело не в этом, после наших трехлетних танцев я сделал ей предложение, но она отказала. Оказывается у нее был другой, за которого она и вышла замуж, а я так – развлечение. Вот после того как она вышла замуж, я пошел и устроился на работу в одно место лаборантом. Стал пробирки мыть. И как-то разбил одну, а она врезалась мне в палец. Я потерял сознание, а когда очнулся все знал про свою жизнь, и оттуда осталось мне навсегда одно видение – в больнице на тумбочке стоит голая женщина, она хочет знать как устроен мир, и люди вокруг нее и все к чему она прикасается, все говорят ей маленький кусочек тайны и она это слышит. Она сама еще не знает какая она необыкновенная, просто она живет так, и этот большой человек, вовсе не тот, кто будет любить ее, ждать ее, целовать ее, не тот, кому она будет танцевать, разворачивая ему навстречу прекрасные ладони, рассказывая и записывая, все, что она знает, сжимая в своих ладонях все это непостоянное людское счастье и разбрасывая его вокруг себя словно пшено птичкам. Она меня проводит туда, к тому Месту. Это ты – деточка. Ты – необыкновенная.

Инга. Вы уверены? Мне, конечно, хочется быть этим вашим виденьем, но все-таки. Я совсем не умею танцевать голой.

Старик. Ты научишься. Ты такая смешная.

Инга. Вы бы поспали, вам отдыхать нужно после всего этого.

Старик. Ничего *этого* у меня в жизни не было, деточка. А у тебя будет. Ты пойдешь однажды и увидишь, что я был прав, и вспомнишь опять своего некрасивого случайного старика. А все твои боли уйдут, уйдут и из груди, и из живота, и из ног. Это все только небольшое преобразование, на него нужно и время и боль. Нет в тебе никаких болезней, только знания, знания которые наполняют тебя со скоростью света. Разрывают сейчас твою грудь до боли, а ты думаешь, что это прощальная болезнь. Ты поезжай в свою Прагу, он соскучится по тебе и придет. Ты только посмотри на свою Прагу и постой там под часами. Боль уйдет, а знания останутся. А потом ты все запишешь и вспомнишь меня. Ты даже сможешь похоронить меня, как своего нерожденного брата, как птенца выпавшего из гнезда. Завернешь меня в виноградные листья и закопаешь в теплом песке. И тогда для меня это будет счастье, я словно упаду на свою толстую танцовщицу. Пересохло все во рту.

Инга. Дать вам воды? Какого брата?

Старик. Того самого, которого твоя мать так ждала, но не родила. Бывают такие братья.

Инга. Я не знаю. Мне мама не рассказывала.

Старик. Дай воды, ты обещала. Знаешь, мне негде жить.

(Инга ищет железную кружку, залезает под кровать. Вылезает с кружкой и подходит к раковине, наливает воды и возвращается к кровати, где лежит мертвый Старик. Инга подпрыгивает и разливает воду, бросает кружку на пол и выбегает из палаты. Полная темнота. Суета за сценой. Звук нескольких голосов и топот ног. Знакомый скрип каталки. Постепенно появляется свет в котором виден Паша и кровать-каталка с накрытым телом. Паша поправляет колпачок на ушах. В свете появляется Телехов в халате на голое тело и в кедах на ногах. Потом Инга. Мимо них проходит большая белая птица.)

Телехов (Инге) Будете прощаться?

Инга. Буду. Обнажите лицо?

(Телехов открывает простыню и видно запрокинутое лицо старика с открытым ртом.)

Инга (торжественно) Я не прощаюсь, я попробую вас сначала похоронить, завернув в виноградные листья.

Паша. *(очень уставшим голосом, зевая)* Дура какая-то.

Телехов (неожиданно агрессивно) Да, заткнись.

(Постепенно в гаснущем свете, остается одна Инга. Старика увозят Телехов и Паша. Инга ложиться на пол в палате, где теперь только три кровати, плачет и засыпает. На подоконник влезает фельдшер с зонтом. Зонт падает на пол. Инга плачет во сне. Фельдшер прыгает за зонтом, поднимает его, потом подходит к одной из кроватей, снимает одеяло, накрывает Ингу, открывает зонт. Инга исчезает. Полная темнота.)

5.

(Из темноты иногда появляется Инга на полу и Паша, который пытается ее поднять.)

Паша. Вставай, итак задница холодная. Иди поспи у нас. Всю палату выстудили, дураки. Зачем окно открыла?

Инга. Не надо, мне не холодно.

Паша. Не дури, мы пошли за новыми бомжами. Будем им отрезать лишнее.

Инга. А мой где?

Паша. В морге.

Инга. Я заберу его.

Паша. Ага. Необыкновенная. Чокнутая. Государство похоронит. Сюда ложись. Еще не хватает тебя с утра в терапию откатать. Ты такая дура все время или по нечетным?

Инга. Я – всегда. Как он. Как та его любовь к девочке. Как часы на башне.

Паша. Ясно, ну спи как знаешь, и Юркины носки вернуть не забудь. Выпить хочешь?

Инга. Нет, я старика хочу забрать.

Паша. Потом. Все, пока.

Инга. Закройте дверь, дует.

(Паша машет на нее рукой, закрывает окно и уходит. Инга засыпает. Мимо нее проходят танцующие птицы, похожие на цапли. Голос Гида: Это знаменитые пражские часы!)

6.

(Серебристая комната морга. Инга в своей одежде, а не в халате и носках. Телехов, все еще в халате на голое тело. Перед ними стол со Стариком. Инга резко сдергивает простыню. Голый старик вздрагивает, сжимается и превращается в воробьиный трупик. Инга смотрит на Телехова. Телехов достает из кармана целлофановый пакет. Инга прячет воробьиный трупик в целлофан, а потом к себе в сумку.)

Телихов. На работу?

Инга. Я его спрятала между косметичкой и записной книжкой.

Телихов. Никто не найдет. На работу?

Инга. Да. А вы почему были голый как я?

Телихов. Я залез на стол, хотел посмотреть что получится. Пашка ржал. Вы его похороните?

Инга. Обязательно. Куплю на рынке виноградных листьев и похороню.

Телихов. Это правильно.

Инга. Да. Поеду в Выхино, там хороший рынок, заверну его в листья, а потом сразу поеду на работу и буду читать лекцию, чтобы все шло как обычно.

Год создания: 2015 (август-октябрь)